

Ирма

Ратиани

профессор Тбилисского государственного
университета им. Ивана Джавахишвили,
директор Института грузинской литературы
им. Шота Руставели

ШОТА РУСТАВЕЛИ И ЕГО ОБРАЗ В ПОЭЗИИ ДЖАМБУЛА

Грузинская и казахская исторические реальности пересекались с древнейших времен. Грузинский историк, академик Давид Мухелишвили пишет: «Кавказ имеет весьма древнюю и богатую историю. Расположенный между Каспийским и Чёрными морями, на стыке Европы и Азии, он является как бы естественным мостом, который связывал западную и восточную цивилизации ... Предание, записанное ещё в античную эпоху, рассказывает, что Хорезмийский царь Фарасман посетил в Бактрах Александра Македонского и сообщил ему, что может показать путь к Чёрному морю в страну Колхов (т.е. Грузию). Несомненно, из слов Фарасмана видно, что ему был известен путь в Закавказье через Северо-Каспийские степи, т.е. по территории сегодняшнего Казахстана».

Еще более явные свидетельства культурных и торговых связей обнаруживаются в раннесредневековый период, когда на обширных степях Евразии возник Тюркский Каганат. Византия проявляла большой интерес к созданию нового маршрута Шелкового пути, который должен был пролегать по казахским степям, а затем через Грузию.

В последующие эпохи, в силу различных причин, политические и экономические отношения между Грузией и казахами были не слишком активными. Тем не менее, в культурной сфере сложившиеся между нашими народами контакты сохранились. Естественно, это были косвенные контакты, обусловленные общностью мировоззренческих и эстетических ценностей. Это подтверждает, в первую очередь, внутренняя связь, прослеживаемая в средневековых сказаниях, легендах и эпосе, а также в творчестве классиков грузинской и казахской литератур – Ильи Чавчавадзе и Абая Кунанбаева.

Грузинская и казахская литературы еще более сблизилась в советский период, когда на территории всего Советского Союза шел процесс т. н. создания «единой литературы». Развитие казахско-грузинских литературных связей приходится как раз на советский период, когда власть превратила литературу в одно из основных средств коммуникации между «советскими народами». В этом процессе многое может нам не нравиться, в частности, совершенно неприемлемым представляется пресловутая советская риторика и тексты, перегруженные идеологическими акцентами, но, несмотря на это, мы не можем не выделять действительно ценные

достижения того периода. И одним из таких достижений представляется интерес, проявленный казахским народным поэтом-акыном Джамбулом Джабаевым к грузинской тематике и его душевное отношение к Кавказу, Грузии, Руставели.

Грузия – страна Шота Руставели. Как избито ни звучала бы эта фраза, она выражает истинную природу и устремления грузинского народа и вполне может служить определяющим звеном национальной идентичности грузин.

С XI века грузинская культура и литература вступили в эпоху своего наивысшего расцвета, истинным венцом которого стала поэма «Витязь в тигровой шкуре». Мировоззрение Шота Руставели питала прогрессивная христианская тематика Позднего Средневековья, которая впоследствии переросла в Европе в ренессансное мировосприятие. Но, если с концептуальной точки зрения, выросший на почве древнегрузинской христианской литературы, текст Руставели проповедует христианскую идеологию, с позиции поэтической формы – явно тяготеет к восточной поэтике, которая в силу определенных внешних исторических факторов, активно проникает в грузинское культурное поле того времени. Следовательно, «Витязь в тигровой шкуре» – первый грузинский текст, который отражает встречу западных и восточных литературных принципов, первый гениальный прецедент схождения двух различных, великих культурных миров в грузинской литературе. Этим уникальным синтезом поэма не только обогатила мировой литературный процесс Позднего Средневековья, но и расширила его ареал по направлению к Грузии.

Советские идеологи, заявлявшие претензию на создание новой советской культуры, относились к классическим текстам без особой привязанности. И поэма Руставели также не была исключением: после советизации Грузии достаточно долгое время никто не вспоминал ни про «Витязя в тигровой шкуре», ни о его авторе, поэтому и на переводы поэмы не обращалось должного внимания. Интерес к поэме возрастает лишь в 30-х годах, когда ввиду уже планируемых политических репрессий советский лидер Иосиф Сталин счел необходимым прибегнуть к маске «добротного царя-батюшки» и возродить классическую модель героизма и рыцарства. И вот, в 1937 году, по личному указанию Генерального секретаря, планируется празднование 750-летия создания поэмы во всесоюзном масштабе. Притесняемое советской властью грузинское прогрессивное литературное крыло того времени не выясняло политических причин – все были счастливы от того, что имя Руставели вновь возвращалось в литературный обиход и прилагали все усилия к тому, чтобы обратить полученное от компартии «благословение» на благо грузинской культуре и литературе.

Был запланирован проезд представительных делегаций от всех советских республик. Казахскую делегацию возглавил избранник казахского народа, народный поэт-акын Джамбул Джабаев.

О путешествии в Грузию и пребывании Джабаева в Тбилиси писали многие выдающиеся казахские и грузинские ученые. Профессор Игорь Богомолов в очерке «Дружбе нашей сиять вечно» отмечает: «Грузинский народ навсегда сохранит в своей памяти дни пребывания Джамбула в Тбилиси. Наша общественность хорошо помнит, как на юбилейную трибуну поднялся седой, величественный старец, явившийся как бы живым олицетворением чести и мудрости своего народа. Взволнованно произнёс он пламенные стихи, посвящённые гению Руставели, прекрасной стране, породившей и взрастившей этого великого поэта».

В книге «Жамбыл: биографическое повествование» профессор Ерлан Сыдыков детально описывает путешествие акына через Москву в Тбилиси и передает ту атмосферу любви и уважения, которая повсюду ему сопутствовала. Именно во время этого путешествия Джамбул Джабаев создал свою известную песню – «Здравствуй, Кавказ». 26 декабря открылся пленум Союза писателей Грузии, а «на следующий день весь зал стоя приветствовал появившегося на пленуме Жамбыла». В книгу господина Сыдыкова включены также и трогательные воспоминания Николая Тихонова и Мухамеджана Каратаева о выступлении акына, которое, по их мнению, походило на проникновение в реальность чего-то мифического, фантастического. «Он жил в другом мире, – вспоминает Николай Тихонов, – и этот мир был весь его, и эта песня была не похожа ни на что. Она шла вверх, как стрела, меняла направление, как будто неведомая сила направляла эту стрелу в горизонтальный лет, и мы слышали скрип ее перьев, продуваемых вихрем полета, потом она со свистом вонзилась в каменную щель, и мы слышали вздох камня».

Что-же пел казахский акын о Шота Руставели? Каково было его видение грузинского гения? Каким он видел Кавказ и раскинувшуюся среди гор Грузию?

Ответ на эти вопросы, конечно же, следует искать в песнях Джамбула Джабаева.

На склоне мрачных лет
Даже перо стареет,
Но твоей поэзии свет
До сих пор наши души греет.

Так обращается казахский акын в песне «Шота Руставели» к грузинскому поэту. В этой песне многое привлекает внимание, но, прежде всего, философское осмысление Джамбулом Джабаевым времени. Время быстротечно. Оно неумолимо движется вперед, и в его потоке все и всё обращается в прошлое. Акына охватывает ностальгия о времени Руставели, о том времени, которое породило столь великого поэта. Но при виде его облика в Книге времени, на душу акына снисходит счастье и покой...

Будто счастья взошла звезда,
При виде этого человека,
Чье сердце в далекие года
Искрой солнца зажглось навеки.

В последующих строфах стихотворения в поле зрения читателя попадает еще одна особенность отношения акына ко времени: в его воображении время сливаются! Он чувствует (а вместе с ним это чувствует и читатель) бессилие времени против поэтического гения! И вот лицом к лицу стоят два поэта: Шота Руставели и казахский акын, два творца, которых разделяют века, но на фоне их поэтической близости и творческого родства вековая дистанция исчезает. Поэзия не подчиняется времени – она нечто большее, чем время!

Помолодел мир вокруг,
 Расширился широко кругозор.
 На Кавказе тебя нашел,
 С Алатау взял меня
 Коль старый мир юношей стал.

Один поэт – сын Кавказских гор, другой – обитатель бескрайних Прикаспийских степей: высота и широта дополняют друг друга. Однако в этой системе пространственных координат отсутствует временная ось. Траектория этой символики открывает еще одну тайну времени: ожившее в облике Руставели прошлое стремительно сливается с реальностью времени акына:

И с Кавказских гор высоты,
 Словно с самого небосвода
 Вдохновленный голос Шоты
 Доносится до всех народов.

Философия времени, понимаемого как единовременность – совмещение временных пластов, по нашему мнению, составляет основу и других песен Джамбула Джабаева, созданных на грузинскую тему: «Кавказу», «Здравствуй, Кавказ», «Песня жизни». В них легко прочитывается глубокое уважение к грузинскому народу, его прошлому и истории, которые воспринимаются акыном как органическая часть новых времен. Для него Руставели – это обобщенный образ культурного наследия Грузии, ее основной эстетический символ:

Вырастил ты в золотой колыбели,
 Думы бессмертные, Руставели.

Так обращается акын к грузинскому поэту в песне «Здравствуй, Кавказ». В стихотворении «Песня жизни» он еще раз возвращается к теме вечности и бессилия времени по отношению к гению:

Вижу, несется над грозной стремниной,
 Песня, как взлет горделивый, орлиный –
 Витязь народа, Шота идет,
 Равный жемчужным кавказским вершинам,
 Грузии гордой пламенный сын,
 Вижу, идет по ущелью один.

Руставели идет по Кавказским вершинам, и вместе с ним – тигр, которого так мастерски воспел грузинский поэт. Видение акыном Шота Руставели, идущего по Кавказским вершинам, сопровождают видения других великих поэтов и писателей – из Книги времени выходят Пушкин, Шевченко, Абай. И читателя не покидает ощущение: для литературы не существует временных границ, гениальные авторы не умирают – они продолжают существовать в вечности.

Жандос Смагулов в статье «Шота Руставели и казахская литература» отмечает: «Под впечатлением от мастерского слога Ш. Руставели, сочетая устные формы

с литературными, казахский акын выработал свою новую поэтическую манеру. Ее отличает психологическая насыщенность, конкретность и реалистичность изображения жизни и природы, эпическая простота повествования». Однако из созданных и изданных в советское время русскоязычных переводов песен Джамбула Джабаева несомненно явствует лишь то, что акын жил в ладу со своим временем и искренне верил в тот политический курс, в условиях которого он жил. При сравнении этих переводов с современными подстрочными переводами в глаза бросаются расхождения, на первый взгляд, возможно, и незначительные, но в целом обедняющие смысловое богатство оригиналов. Невольно возникает сомнение: насколько эти же песни звучали иначе, когда на родном языке их исполнял сам поэт?

Диктатура всегда и во всём вносит собственные коррективы – таков исторический опыт. Поэтому для истории литератур постсоветских народов огромное значение имеет установление автентичности текстов и их объективная оценка. Полагаем, что и история казахской литературы в этом смысле также не является исключением. Тем более что в XX веке в нее вошел, апеллирующий к народной традиции архетип старца-акына – обязывающий к почитанию иконографический образ, созданный колоритнейшей фигурой народного поэта Джамбула Джабаева.

Перевод с грузинского Иринэ Модебадзе

